

СЕЗОН КАТАСТРОФ

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Алексей Калугин. НАЧАЛО

Вячеслав Шалыгин. АГРЕССИЯ

Роман Глушков. ОХОТА

Вячеслав Шалыгин. ЗАПАДНЯ

Роман Глушков. ПЕКЛО

Алексей Калугин. ГОЛЕМ

Вячеслав Шалыгин. ОСТРОВ Z

Роман Глушков. ТУРНИР

Алексей Калугин. ШАМАН

Роман Глушков. ПОБЕГ

Вячеслав Шалыгин. КАРАНТИН

Роман Глушков. ШТУРМ

Вячеслав Шалыгин. ОРУЖЕЙНИК

Алексей Калугин. КОНТРОЛЬ

Алексей КАЛУГИН

КОНТРОЛЬ

**ЭКСМО
МОСКВА
2015**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

Иллюстрация на переплете *Ивана Хивренко*

Калугин, Алексей Александрович.

К17 Контроль / Алексей Калугин. — Москва : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Сезон катастроф).

ISBN 978-5-699-77941-3

Стратфорд-на-Эйвоне — маленький городок в центральной Англии, ставший местом паломничества туристов по той причине, что здесь родился Уильям Шекспир. Пространственно-временной разлом, открывшийся в центре города, не повлек за собой никаких катастрофических изменений, но... Неожиданно все жители города оказались в мире собственных фантазий. Как оказалось, ничего интересного в выдуманной реальности нет, зато полно смертельных опасностей. Разобраться во всем этом предстояло Томасу Шепарду, которого обыватели считали больным на всю голову...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77941-3

© Калугин А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Разлом Восьмой
Зона 36. Великобритания. Уорикшир.
Стратфорд-на-Эйвоне

Глава 1

Ветка стучит в оконное стекло.

Мерно, как метроном, способный довести до безумия своей педантичностью.

Том давно проснулся, но ему страшно не хочется вылезать из-под одеяла и открывать глаза.

И это не образное выражение.

Тому действительно страшно.

Чертовски страшно.

Том не помнил, кто он такой.

Ну, то есть, не так, чтобы вовсе уж ничего не помнил. Но все его воспоминания были фрагментарными, неполными, обрывочными. Плохо стыкующимися друг с другом. Как будто он все это позаимствовал из разных книг, кинофильмов, из чужих разговоров, подслушанных на улице.

— Меня зовут Томас Шепард, — шепотом, едва слышно забормотал он. — Мне двадцать семь лет. Я нигде не имел постоянную работу. Я люблю читать книги и писать всякую ерунду на чужих страничках в интернете. Из-за этого у меня уже были проблемы с полицией, и дядя Боб запретил мне пользоваться компьютером. Но я починил старый ноутбук, который выбросил в мусорный бак мистер Венритас. На харде остались пароли для вай-фая, и теперь я, когда захочу, подсоединяюсь к его сети. Не думаю, что это плохо, потому что мистер Венритас целый день на работе, а жена его только телевизор смотрит. Так

что интернет целый день никому не нужен. Я работаю в сети под ником vikontbd. Скажете, странный ник? Да ничего подобного!..

Разговаривая с самим собой, Том приходил в себя. Фрагменты воспоминаний постепенно складывались в единую картину.

Это был проверенный способ. Том его еще в детстве придумал, сам. Тогда у него порой случались внезапные провалы в памяти. Как правило, они быстро проходили. Но врачам это очень не нравилось. И то, что Том разговаривает сам с собой, стараясь таким образом купировать приступ паники, они тоже не одобряли. Они считали, что все это проявление болезни Тома.

А доктор Робертс говорил, что это хорошо, что это правильно. Если уж в голове у Тома живут сразу несколько личностей, то они должны уметь общаться между собой. При этом он смотрел на Тома так, будто ждал, что он начнет с ним спорить. И не просто ждал, а хотел этого.

Но Том просто не обращал внимания на то, что говорили врачи о множественности его личностей. Он к этому привык.

У него в голове жил только один человек — Том Шепард. Во всяком случае, сам он никого больше там не встречал. Да и как несколько разных людей могут уместиться в одной голове?

Этого Том не мог взять в толк.

Все случаи проявления множественности личностей, про которые ему доводилось читать, казались Тому ну абсолютно нереальными. Возможно, их придумывали сами пациенты. У них почти всегда имелись на то причины. Одни таким образом пытались избежать виселицы, другие старались привлечь внимание к собственным проблемам. И не исключе-

но, что помогали им в этом врачи, которым ну очень хотелось поработать с необычным пациентом, а потом описать этот уникальный случай в научном журнале.

Поскольку доктор Робертс всегда выступал на его стороне, Том никогда с ним не спорил. Ну, или почти никогда. В конце концов, мистер Робертс был настоящим, хорошим врачом, а значит, ему было виднее, в чем причина недуга Тома Шепарда.

Все вокруг знали, что у Тома какой-то недуг. И относились к нему соответственно — как к недежному.

Сам Том себя больным не считал.

Ведь если ты болен или недежен, то должен испытывать какую-то боль, страдание. Ну, или, по крайней мере, неудобство. Это точно! А Том себя отлично чувствовал. Целый день, с утра до вечера.

Ну, разве что только за исключением того случая, два года назад, когда у него вдруг жутко разболелся зуб.

Но такое ведь со всяким случиться может.

Больной зуб — это ничего страшного.

Вон у мистера Ормонда вообще зубов не было — обе челюсти вставные.

Точно, точно!

Том видел, как он их изо рта вынимает.

Картинка — жуть! Будто из фильма ужасов!

А мистери Ормонду хоть бы что. Жил, ни на что не жаловался. Пока вдруг не помер. Так ведь не из-за больных же зубов.

— Я закончил школу и художественный колледж, — Том говорил уже почти в полный голос. — Согласитесь, не всякому такое по силам. Так ведь?.. Но все вокруг все равно считают меня недоумком... Вернее, считали... Пока все это не началось... А сей-

час никого рядом нет... — Том осторожно выглянул из-под одеяла. — Очень хочется в это верить...

Том окинул взглядом комнату, насколько это было возможно. И никого не увидел.

Том приподнял одеяло повыше.

Теперь ему была видна почти вся комната.

И похоже, что кроме него в ней действительно никого не было.

Отлично. Полдела сделано. Теперь оставалось только разобраться с самим собой.

Том вытянул из-под одеяла руку и поднес ее к глазам.

Так.

Обычная рука с пятью пальцами.

Уже здорово.

По крайней мере, теперь можно с уверенностью сказать, что он — человек.

Хотя...

Том сел на краю кровати и посмотрел на прижатые к полу ступни ног.

Ноги тоже самые обыкновенные.

И пижама в сине-красную полоску тоже его.

Том осторожно ощупал лицо руками.

Провел ладонью по коротко остриженным волосам.

Он не готов был спорить больше чем на десять фунтов. Потому что больше у него не было. Но в пределах этой суммы он был почти уверен в том, что он — это он. Томас Шепард. Единственный приемный сын Роберта и Маргарет Шепард. То есть вообще единственный сын, но не родной, а приемный. Хотя, конечно, как говорят русские...

Стоп! При чем тут русские?

Он что, был русским в одной из своих прошлых жизней?

Почему он тогда не помнит ни слова по-русски?..
Хотя нет, одно слово по-русски он все же помнит: «пэ-рэ-строй-ка».

Очень странное слово.

В конце прошлого века его знали все. И повторяли, словно заклинание, которое должно было заставить русских перестать идиотничать и искать на своей территории Пуп Земли.

И, что любопытно, поначалу оно почти действовало!

Правда, потом русские снова слетели с катушек и принялись долдонить о своем особом пути и великой миссии, о тысячелетней культуре и традиционных ценностях. Потом поперли на Украину, захватили Крым...

Ну а потом грянул Сезон Катастроф, и всем стало вообще не до русских с их извечным комплексом неполноценности, помноженным на манию величия.

Да нет, русские здесь совершенно ни при чем!..

Том сосредоточенно потер пальцами виски.

Точно!

Вчера, добираясь в указанное место, он вдруг услышал голоса и увидел идущих по улице людей. Они шли не торопясь, не соблюдая никакой осторожности. Как будто изучали достопримечательности города. В Стратфорде-на-Эйвоне есть на что посмотреть. Но не в такое же время!

Том быстро забежал за угол, распластался по стене и включил режим мимикрии...

Что?..

Том сосредоточенно сдвинул брови, пытаясь вспомнить, кем же он вчера был?..

— Это нормально... Абсолютно нормально... — быстро заговорил Том, одновременно механически-

ми движениями поглаживая себя ладонями по бедрам. — Все в порядке... Все хорошо... Точно, точно... Все так и должно быть... Это не амнезия и не провал в памяти. Просто я должен снова стать самим собой...

Память возвращалась не сразу — и это был, пожалуй, самый неприятный момент.

Во всяком случае, Тому это страшно не нравилось.

Он чувствовал себя глупым и беспомощным.

Как в первый миг рождения.

Скажите, так не бывает?

Ни один человек не помнит себя в первый миг рождения?

А вот Том помнил!

Вернее, он вспомнил об этом однажды.

Время от времени Том вспоминал о себе что-то такое, чего никогда прежде не помнил. И даже не знал, потому что никто ему об этом не рассказывал.

Но до тех пор, пока память оставалась неподвластной ему, Том испытывал состояние мучительной беспомощности. Тому казалось, что он сам себя ненавидит, хотя, опять же, совершенно непонятно: за что?

Ладно, значит, он слился со стеной и сделался невидимым.

Что потом?..

Потом мимо него прошли четверо в полувоенной экипировке. С огромными рюкзаками на спинах. Все четверо — при оружии...

И они говорили по-русски.

На шеях у них висели прозрачные пластиковые маски в черной окантовке с круглыми коробками биофильтров.

— Проклятье, откуда здесь русские?..

— Они тоже игроки.

Вздвогнув, Том резко повернулся на голос.

В дверях, сложив руки на груди, стоял человек, с ног до головы будто облитый тонким слоем эластичного пластика серого цвета. Даже вместо лица у него была серая маска без глазных отверстий.

— Мы договаривались, что ты не станешь забираться ко мне в голову!

— Ты задал вопрос вслух.

Том растерялся.

— Да?..

— Это нормально, — заверил «серый». Совсем как доктор Робертс. — Разговаривая с собой, ты учишься лучше себя понимать. Ты ведь знаешь старую присказку насчет того, что в начале было Слово.

— Я люблю читать, — кивнул Том.

— Я знаю.

Том взял со стола книгу и показал ее «серому».

«Игра в бисер».

— Расскажи о впечатлении, — в своей обычной манере не то попросил, не то потребовал «серый».

Том смущенно пожал плечами.

— Я не все в ней понял.

— Многие вообще ничего в ней не понимают.

— Я люблю книги, в которых не сразу все понятно. Некоторые я потом перечитываю. Снова и снова.

— Потому что они непонятные.

— Нет. Потому что они мне нравятся.

— Ты принес пакаль.

— Точно! — вспомнил Том. — Пакаль!

Он сунул руку в карман пижамной куртки — там ничего не было. Запустил руку в другой карман — там лежал только носовой платок.

Том озадаченно хмыкнул и, наклонившись, выдвинул ящик письменного стола.

В ящике лежало много занятных вещей.

Например, пакаль с изображением головы единорога.

И еще один — с лодкой под парусом.

Но пакаля, который он нашел вчера, там не было.

— Посмотри под подушкой, — посоветовал «серый».

Том откинул к стене подушку в розовой наволочке, на которой были нарисованы белые перышки. Если, глядя на нее, расфокусировать взгляд, кажется, что перышки парят в розовом тумане.

На такой же розовой с перышками простыне лежала квадратная металлическая пластинка размером с ладонь.

На пластинке была вырезана морская раковина, изящно закрученная в тугую спираль, с гребешком вдоль устья. На научном языке этот гребешок называется колумеллярной губой.

Пакаль.

Так называл эти пластинки «серый».

Третий пакаль, найденный Томом с того момента, как все началось.

Том положил ладонь на металлическую пластинку.

Он больше не был беспомощным и глупым, как новорожденный младенец.

Он вспомнил все.

Да.

Глава 2

Все началось четыре дня назад.

Двадцатого сентября.

В воскресенье.

Примерно в пятнадцать тридцать пять.

Дом Шепардов выходил фасадом на Гринхилл-стрит. Если выйти из дома, перейти улицу и немного пройти в сторону центра, то окажешься перед Музеем плюшевых мишек Тедди. Возле него всегда много туристов с детьми. Том, когда был маленьким, и сам подолгу простаивал у его застекленных витрин.

Выглянув в окно, выходящее на задний двор, можно было увидеть сад, чуть пожелтевшую крону старого вяза и уголок безумно-голубого неба.

За окном ярко светило солнце.

В начале осени порой случаются-таки ясные, солнечные дни. Когда все выглядит так, будто мир родился заново и все предметы еще не до конца обрели свое материальное воплощение, а потому кажутся полупрозрачными.

Как правило, такая погода держится не больше недели. После чего начинаются затяжные дожди.

Ну, так ничего не поделаешь.

Осень.

Том сидел в кресле в гостиной на втором этаже.

Перед ним стоял включенный телевизор, на коленях лежала раскрытая книга.

Телеканал «Дискавери» показывал новый фильм о Тунгусском метеорите. Ведущий с благородной сединой в висках, изображающий маститого ученого, тщетно пытался как-то увязать это давно уже канувшее в Лету событие с тем, что происходило сейчас.

Как утверждал сосед Шепардов мистер Венри-тас, Сезон Катастроф стал новым модным трендом, поэтому теперь с ним все пытаются увязать. Даже в «Макдоналдсе» недавно проводился тематический месячник «Сезон Катастроф», во время которого можно было попробовать «Разлом-бургер» и «Апока-

липтический ролл». И тот и другой, по мнению Тома, оказались не лучше обычного чизбургера.

А дядя Боб рассказывал, что в пабе на углу Роттер-стрит стали наливать пиво «Катастрофа». Хотя лично он был уверен, что это все то же местное пиво, прежде называвшееся «Королевским». Однако после переименования оно стало стоить на двенадцать пенсов дороже.

Из чего следовало, что умение воспользоваться модным трендом заключалось в том, чтобы продать то же самое, что и прежде, но уже под новым названием и по более высокой цене.

В фильме «Тунгусский метеорит: начало Сезона Катастроф?» не содержалось никакой новой информации. А попытки выдать событие более чем столетней давности за первое предвестие Сезона Катастроф выглядели ну просто чудовищно нелепо!

Том продолжал смотреть фильм только потому, что любил самые разные таинственные, загадочные и необъяснимые истории. Будь то рассказы о привидениях или космических пришельцах — все равно.

Книга, которую Том читал под таинственный полусшепот ведущего, была куда как интереснее.

Книга называлась «История китайской философии».

Тому не все в ней было понятно, но он как раз любил такие книги, которые с первого раза не поймешь.

Тете Мэгги не нравилось, когда Том читал и одновременно смотрел телевизор. Она уверяла, что так он только попусту тратит время, поскольку упускает и то, и другое.

Но Том ничего не упускал.

Он мог бы при этом еще и в интернете рыскать, но нельзя было допустить, чтобы тетя или дядя уви-

дели ноутбук, который Том прятал в своей комнате под кроватью.

Сколько Том себя помнил, он всегда умел делать несколько дел одновременно. И ему не приходилось прикладывать для этого какие-то особые усилия. Для него это было совершенно естественно. Так же, как опытному шоферу ничего не стоит вести машину, слушая при этом радио и болтая с пассажирами.

Том старался без нужды не демонстрировать это свое умение, резонно опасаясь, что оно может быть истолковано как еще одно проявление его болезни. Какой-нибудь новый врач запросто мог решить, что всю работу за Тома выполняют те самые подозрительные личности, что якобы сидят у него в голове.

Том вообще не любил врачей.

За исключением доктора Робертса.

Все, что бы с ним ни происходило, о чем бы он ни рассказывал, даже его сны и мечты врачи непременно старались связать с его болезнью.

Примерно так же, как канал «Дискавери» пытался притянуть Тунгусский метеорит к Сезону Катастроф.

Да, в детстве Том действительно очень сильно ушиб голову.

Да, после этого он почти месяц не приходил в сознание.

Ну так что же, теперь его из-за этого всю жизнь будут считать больным?

И не просто больным, а больным на всю голову!

Между прочим, это похуже, чем остаться без ноги.

К калеке ведь все равно относятся как к нормальному, полноценному человеку.

А с Томом все обращаются как с ребенком. Несмотря на то, что ему скоро тридцать.